

«Народная история» старообрядцев Бурятии

В статье рассматриваются исторические предания и устные рассказы как жанры, представляющие народную интерпретацию исторических событий и фактов. Под «народной историей» понимается история народа, рассказанная им самим. У старообрядцев Бурятии основной корпус текстов преданий о своем прошлом – это предания о заселении и освоении старообрядцами земель за Байкалом. «Народная история» старообрядцев Бурятии немыслима без такой базовой категории их жизни, как древлеправославная вера. Поэтому особенно свято сохранялись в среде старообрядцев-семейских ценности религиозного характера. Также «народная история» семейских Бурятии не обходится без рассказов о старинных семейных устоях прежних старообрядцев. Семейные устои старообрядцев раньше были очень крепки, поскольку регламентировались не светскими, а религиозными нормами. В итоге автор приходит к выводу, что «народная история» дает представление не только о материальной и духовной жизни народа, но и о его нравственных ориентирах, моральных устоях, о его менталитете. Понимание народного восприятия и народной оценки прошлого мы находим в «народной истории» старообрядцев Бурятии.

Ключевые слова: старообрядцы, историческое предание, устный рассказ, фольклорное сознание, народная интерпретация истории.

E. L. Tikhonova

«People's history» of Old Believers of Buryatia

The article considers historical legends and oral stories as a genre representing people's interpretation of historical events and facts. By «people's» history meant the story of people told themselves. Most stories of Buryatia Old Believers are about their past, stories about settlement and development the lands beyond lake Baikal. «People's» history of the Old Believers of Buryatia is unthinkable without such basis of their life as the old Orthodox faith. Therefore values of a religious nature were carefully preserved among Old Believers. Also «people's» history of Old Believers of Buryatia is not complete without stories about old family foundations of forefathers. Old Believers' family foundations were traditionally very strong, as was regulated by not secular but religious norms. The author comes to the conclusion that «people's» history gives an idea not only about the material and spiritual life of the people, but also its moral guidelines, foundations, their mentality. In the «people's» history of Old Believers of Buryatia we get to understand people's perceptions and people's assessment of the past.

Keywords: Old Believers, historical legends, oral stories, folk consciousness, people's interpretation of history.

«Народная история» того или иного этноса подразумевает осмысление и изложение в вербальных текстах (преданиях, устных рассказах) исторических, историко-культурных, бытовых фактов из жизни этого этноса. «Народная история» – это рассказы об отдаленном прошлом (предания) жителей той или иной местности, предки которых своими руками творили историю: заселяли и осваивали новые территории, основывали села и города, сеяли хлеб и работали на заводах, растили детей и создавали нематериальные (духовные и художественные) ценности. «Народная история» – это также рассказы о недавнем прошлом и со-

временных событиях (устные рассказы) людей, которые продолжили творить историю своего народа и своей земли. Таким образом, под «народной историей» мы понимаем историю народа, рассказанную им самим.

Естественно, эти рассказы входят в локальную фольклорную традицию, так как, во-первых, пропущены через призму фольклорного (коллективного) сознания, а во-вторых, на формальном уровне тяготеют к стереотипии, способствующей устной транслируемости этих текстов во времени. Следовательно, предания, устные рассказы, другие речевые акты, содержащие какую-либо информацию о жизни того или иного народа, мы рассматриваем как фольклорные тексты, в совокупности получившие в науке о фольклоре статус «народной», или «устной», истории.

Человеческая память избирательна, и в историю (в том числе, и в «народную»), как правило, попадают факты, значимые и интересные для человеческого сообщества. На интересе к прошлому, способному пролить свет на настоящее, держится традиция бытования устных преданий. Как только этот интерес ослабевает, ослабевает и сама традиция, или – увьи! – полностью затухает. Но до тех пор, пока исследователи фиксируют бытование преданий в народной среде, записывают эти предания, или даже их отдельные мотивы (что свидетельствует о бытовании традиции), можно говорить об интересе народа к своей «народной истории». Традиция бытования преданий и устных рассказов в среде старообрядцев Бурятии (семейских) говорит о наличии такого интереса.

Народные рассказы о прошлом бытовали и бытуют в фольклорной традиции старообрядцев Бурятии, о чем свидетельствуют экспедиционные материалы, собранные в семейских селах в разные годы и хранящиеся в Центре восточных рукописей и киелографов ИМБТ СО РАН, а также экспедиции последних лет в семейские села Тарбагатайского, Мухоршибирского, Хоринского районов Республики Бурятия. Рассказы старообрядцев о том, как основывались населенные пункты, кто были первыми поселенцами, кто жил на этой земле до прихода сюда русских входят составной частью в сюжетно-тематический цикл преданий о заселении и освоении русскими Восточной Сибири. Хорошо известно, что объектом изображения в преданиях являются события «местной истории». Предания о заселении и освоении края как раз и повествуют о том, как эта история начиналась, кто были ее первыми действующими лицами. Другими словами, эти предания показывают, кто, где и как, испытывая какие трудности, «творил» эту самую историю.

Предания о первопоселенцах у старообрядцев Бурятии (семейских) имеют свою специфику, так как формировались под воздействием конкретно-исторических обстоятельств, связанных с историей раскола. Старообрядцы переселялись в Сибирь, избегая преследований и притеснений, применяемых властью и официальной церковью с самого начала раскола, или же переселялись насильственно. «С 1676 г. издавались специальные указы о преследовании «раскольников», к которым применяли наказание кнутом, пытки, ссылки с конфискацией имущества и смертную казнь, – пишет П.Ф. Коробейников. – <...> Преследования приняли столь массовый характер, что старообрядцы были вынуждены искать себе новые места жительства. Часть из них нашли прибежище в Австрии, Польше, Пруссии, другие искали себе места в глухих, недоступных местах матушки России» [3, с. 7].

В 2015 г. общественность Республики Бурятия отмечает 250-летний юбилей переселения старообрядцев за Байкал, их прибытия в Бурятию. В народных же рассказах об этом событии время появления семейских в Бурятии осмысливается второй половиной XVII века, то есть на сто лет раньше, чем это произошло на самом деле: *«Первыми пришли в Бичуру три фамилии <...> лет триста пятьдесят назад»* (зап. от Белых А.С., 1898 г. р., в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.). Сегодня, 55 лет спустя после фиксации предания, это уже (в народной интерпретации) все 400 лет. И здесь важно понимать, что это не банальное незнание истории, не искажение исторических фактов, а их народное переосмысление – главное, не когда точно появились семейские в Бурятии, а *как долго* они живут на этой земле. Это то, что мы называем фольклорной традицией. Б. Н. Путилов сказал по этому поводу: «И происходит это (трансформация, «выворачивание» реальности, по словам Б. Н. Путилова. – *Е. Т.*) не от незнания реальности, не от капризов устной молвы и даже не от преднамеренных идеологических заданий, не от сознательных устремлений отдельных лиц или коллективов, а в силу природы фольклора, его сущности, коренных законов его жизни» [5, с. 52]. Время появления старообрядцев в Бурятии может осмысливаться в преданиях и через смену поколений (так называемое генеалогическое время): *«Пришел сюда Никита какой-то с пятью сыновьями. <...> Один из его сыновей был моим дедом. Это я маленькая была, дед Дорофей рассказывал, а ему, наверное, в то время девяносто лет было. Вот и считайте, сколько лет Никольскому»* (зап. от Леоновой М. П., 1934 г. р., в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.). В этом случае датировка события «народной истории» более точная, рассказчики опираются на свидетельства своих не очень далеких предков.

Рассказы старообрядцев о появлении их предков на земле Бурятии отличаются от подобных рассказов представителей других этноконфессиональных групп: в преданиях семейских на новое место жительства предок прибывает не один, а с семьей: *«Слепневская фамилия переселена сюда из Самары. Сосланы за религию, слышал, поди, про раскольников-то. Когда Иван Слепнев со старухой приехали сюда, здесь жили одни буряты да монголы. <...> Потом появились Григорьевы, муж с женой, казацкий род. Тоже староверы, с Дону сосланные»* (зап. от Слепнева М.Ф., 1882 г. р., в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.); *«Пришел сюда Никита какой-то с пятью сыновьями. Пять сыновей у него было»* (зап. от Леоновой М.П., 1934 г. р., в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.); *«(Как старообрядцы сюда пришли, в этот район, в Хоринский? – Соб.). Дедушка наш, наш дедушка рассказывал, мы малышки была,... и говорит, на двух ко́нях едут, двояшками – муж с женой и другой муж с женой. Четыре человека»* (зап. от Мартыновой Ф.К., 1924 г. р., в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.). Именно этим фактом «народной истории» (ссылали семьями) объясняют старообрядцы самоназвание «семейские»: *«Приезжали все парами, семьями, значит. Потому и семейские»* (зап. от Слепнева М.Ф., 1882 г. р., в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.); *«Вот они шли и семьями, вот за то их и сямейскими и назвали»* (зап. от Варфоломеева С.А., 1930 г. р., в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.).

Старообрядцы, оказавшись за Байкалом, испытывали невероятные трудности при обустройстве на новом месте. В рассказах современных старообрядцев трудности, испытываемые их предками при освоении новых земель, воплотились в мотивы «старообрядцы осваивают новые территории» и «семейские проявляют необыкновенное трудолюбие, работоспособность при осваивании новых земель»: *«Как шли. Чё-то же они везли, с чем-то же они попали. Ведь лес, тайга. <...> А бывало, вот такие пни стоят! Ведь спиливали, строились. Тут трясуна больша была, да болота была. Строились люди»* (зап. от Чистяковой А.П., 1916 г. р., в с. Десятниково Тарбагатайского района РБ в 1998 г.); *(А когда Большой Куналей основался? – соб.). Ну, по-видимому, лет триста, так однако, примерно. Ну так заселялись. Вот переселялись, сюды заселялись семьями-то, которые вот самые таки трудолюбивые люди. Это же усё леса были. Корчевали. Вот может быть, мой прадед уже. Вот он корчевали, пашни разрабатывали. И вот так эта жизнь и продолжалась. <...> А сямейские поселялись там, где было можно жить, разрабатывать своим трудом. Вот и разрабатывали, корчевали вручную. Щас молодежь некоторые и техникой не хотят работать, а это корчевали руками, а потом разрабатывали. Пашни сеяли, и так это постепенно»* (зап. от Болонева С.Х., 1912 г. р., в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.); *«Сямейских когда сослали сюда, самые трудолюбивые, самые работали... пашни надо было... Первый раз поселились – жильё построили, дома. А потом начиналось – обрабатывали поля, пашню, сеяли. Вольно было. Воля была, свобода. Чо хотишь, то и делай. Работали»* (зап. от Семенова Г.Л., 1927 г. р., в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.); *«Сразу Господь тебя благословит, на коня – и поехали. Да в какую глубь заезжали! Вот попробуй сейчас по старой деревне... по старой дороге доберись до Бичуры. Как они добирались, какими тропами шли?! А тропами шли, лошадей за собой. А потом вот это, стали домишти-то, чуть поглубже в лес, рядом... они работающие, семейские. Стали рубить домишти»* (зап. от Ястреба Г.А., 1929 г. р., в с. Бичура Бичурского района РБ в 2003 г.).

В преданиях старообрядцев-семейских о трудностях освоения новых земель наличествует удивленно-почтительное отношение к их предкам-первопоселенцам (*Как они добирались, какими тропами шли?!*). Почтение это идет, в частности, от понимания тех трудностей, которые пришлось преодолеть старообрядцам-первопоселенцам (*как вы думаете, легко что ли было?! Кругом тайга*). Жительнице села Большой Куналей Сластиной Соломониде Аверьяновне, 1898 г. р., в свое время удалось кратко и по-народному точно и емко выразить это понимание: *«Они работали... кони так не работали»* (зап. от Сластиной С.А., 1898 г. р., в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 1971 г.). В таких оценочных комментариях чувствуется личное, духовное погружение рассказчиков в историю своего народа.

Благодаря своему трудолюбию и умению рационально вести хозяйство, семейские «оказались самой активной группой русского населения края. Используя весь свой хозяйственный опыт и природную смекалку, конфессиональную корпоративность, они довольно быстро освоились в суровых климатических условиях Забайкалья, успешно развивая хлебопашество, огородничество и ското-

водство» [2, с. 19]. Это послужило формированию высокой самооценки семейских, так как именно упорный труд, умение работать на земле являлись в крестьянской среде мерилем ценности отдельного человека и общины в целом: «У нас тайга, к примеру, сосновые леса вот, по пескам. А у нас тут березовые вроде есть ешо плюс. А раз березовые, значит, вроде, земля почарней. Песка поменьше, земля потемней, почарней. А раз почарней, то плодородней. А семейские люди не дураки были, они вот это... Я так понимаю, как рассказывали старики. Я слышал такое... (Сучков С.П.) – Железки не было. Землю копали киркой. И кирки не было. Деревянное усё. Усё раскапывали, пашины, это. И вот как пашины стали хорошие, плодородные (Зеленкин П.С.)» (зап. от Зеленкина П.С., 1926 г. р., Сучкова С.П., 1924 г. р., в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.).

Своеобразие образно-эстетического мышления семейских, закономерности функционирования фольклорных текстов привели к возникновению в них устойчивых словесно-художественных структур. Сравним два текста, записанных в разных районах Бурятии в разные годы с дистанцией более чем в 40 лет:

1. «Тут была тайга непроходимая, место дикое. Людей сюда ссылали, в наказание, значит. <...> Когда первые строились, **даже пилы никакой не было. Топорами рубили избы**» (зап. от Крылова В.Л., 1888 г. р. в Бичурском районе РБ в 1960 г.).

2. «А вот у меня щас дом строили, **даже пилы не было. Вот. Ниче не было. Топором усё рублено. Сто-сто пятьдесят лет, чо ли, стоит. Срубили, потом жить стали**» (зап. от Зеленкина П.С., 1926 г. р. в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.).

Наиболее значимые фрагменты транслируемой от поколения к поколению информации (этнически важная информация, определяющая самосознание субэтноса) отливаются в устных прозаических текстах в усвоенные носителями фольклорной традиции стереотипизированные формы: *даже пилы никакой не было* (1) – *даже пилы не было* (2); *топорами рубили избы* (1) – *топором усё рублено* (2).

«Народная история» старообрядцев Бурятии немислима без такой базовой категории их жизни, как древлеправославная вера. Поэтому особенно свято сохранялись в среде старообрядцев-семейских ценности религиозного характера. Большинство народных рассказов семейских свидетельствует о том, что древняя отеческая вера являлось для них главным жизненным ориентиром, давало старообрядцам нравственные и физические силы в непростых жизненных ситуациях. «Сосланы за религию, слышал, поди, про раскольников-то» (зап. от Слепнева М.Ф., 1882 г. р., в с. Бичура Бичурского района РБ в 1960 г.). «Ссылали их за веру Христову. Там вера другая стала, а это за веру ... сюда отправляли» (зап. от Чистяковой А.П., 1916 г. р., в с. Десятниково Тарбагатайского района РБ в 1998 г.).

Потомки прежних старообрядцев рассказывают, что, отправляясь в Сибирь, в ссылку или «добровольно» переселяясь, старообрядцы в первую очередь везли с собой старинные иконы – атрибуты древлеправославного культа, позволявшие отправлять религиозные обряды: «(А что семейские везли с собой в ссылку? – Соб.). По рассказам... Вот старообрядцы оттуда иконы вот уносили. Есть иконы лет-то шестот–больше. Уносили. И на себе вот несли, везли их сюда» (зап.

от Лобозерова П.Т., 1925 г. р., в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.).

Наряду с традиционными мотивами приверженности древлеправославной вере в «народной истории» старообрядцев выделяются более частные, локальные мотивы, связанные, главным образом, с историей происхождения раскола и народным осмыслением сущности этого явления. Однако эти мотивы не являются сюжетообразующими и возникают в связи с необходимостью мотивировки появления старообрядцев в Бурятии: «Ссылали их за веру Христову. Там вера другая стала, а это за веру <...> сюда отправляли» (зап. от Чистяковой А. П., 1916 г. р., в с. Десятниково Тарбагатайского района РБ в 1998 г.); «Старообрядцы шли, когда Екатерина пужнула. Они веру не приняли, молиться Богу, вот она их оттуда пужнула. Они и шли» (зап. от Варфоломеева С. А., 1930 г. р., в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.). По сравнению с более ранними записями преданий о заселении старообрядцами Бурятии [см.: 6, №№ 467-478, с. 317-324] современные записи содержат в себе лишь отдельные элементы мотивов происхождения и распространения раскола. Однако во всех преданиях главной «виновницей» появления в Бурятии старообрядцев осмысливается Екатерина II: «Через сотню лет, когда от Вавилы правнуки пошли, Катерина, царица, их начала скопом в Сибирь гнать» (запись 1960 г.) [6, № 474, с. 322]; «Тогда Екатерина II стала семьями их высылать на поселение в Забайкалье» (запись 1961 г.) [6, № 468, с. 318]; «Сначала в Польшу Екатерина Вторая сослала нас, туда. А с Польши потом... она почуяла, что в Сибири большие богатства, разработки» (запись 1998 г.) (зап. от Ефимовой У. В., 1936 г. р., в с. Тарбагатай Тарбагатайского района РБ в 1998 г.); «Она их, Екатерина, всех собрала в кучку и всех оттуда пужнула, с Запада. Сюда, в Сибирь, Сибирь осваивать» (запись 2000 г.) (зап. от Варфоломеева С. А., 1930 г. р., в с. Никольское Мухоршибирского района РБ в 2000 г.). Мотивы происхождения раскола («веру не приняли») и его распространения («с Запада <...> в Сибирь»), взятые в совокупности, дают представление о народной интерпретации исторического события.

Как известно, по форме отправления обрядов старообрядцы принадлежат к различным толкам и согласиям. «Семейские не являются согласием в полном смысле слова, – пишет исследовательница О. Л. Ефимова. – Большинство их изначально принадлежало к беглопоповцам, со временем эволюционировавшим в беспоповскую форму, близкую «часовенному согласию», широко распространенному в районах Западной Сибири и Алтая. На данный момент в Забайкалье помимо приверженцев древней Ветковской церкви среди семейских встречаются представители белокрыницкого, новозыбковского, федосеевского согласий» [1, с. 105]. В преданиях старообрядцев этот факт нашел свое отражение, однако локальный мотив принадлежности семейских к тому или иному согласию не является постоянным. На современном этапе этот мотив появляется в тексте после наводящих вопросов. «Все они остановились в Тарбагатае, стали жить кучно, потому что с другими семейскими им жить нельзя было, те были поповцы, а наши Чебунины – беспоповцы, а в Шаралдае поселились темноверцы» (запись 1946 г.) [6, № 475, с. 323]; «Хасурта с Куйтунскими (Село Куйтун. – Е. Т.) беглопоповцы. Беспоповцы... – одни уставщики. Не было попа. <...> Беглопоповцы – брали себе православных попов и перекрещивали их» (запись 2001 г.) (зап. от

Иванова В.Ф., 1966 г. р., в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.); «(А вот темноверцы, говорят, еще есть? – Соб.). *Это темноверцы, темной веры, им отдельные могилки.... Оне хоронют без свечей. И вот сколько здесь темноверцы умирали, оне без уставщика*» (запись 2001 г.) (зап. от Мясниковой А. Е., 1926 г. р., в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.). Таким образом, сами семейские выделяют внутриконфессиональные течения, четко разграничивая их между собой, – поповцы, беспоповцы. Однако в структуре преданий мотив принадлежности к тому или иному толку и согласию не является постоянным, традиционным.

Также «народная история» семейских Бурятии не обходится без рассказов о старинных семейных устоях прежних старообрядцев. Семейные устои старообрядцев раньше были очень крепки, поскольку регламентировались не светскими, а религиозными нормами: браки заключались только между представителями своей конфессии и родственные связи между женихом и невестой отслеживались «до седьмого колена»; разводы запрещались (о них даже не помышлялось); детей рожали столько, «сколько Бог пошлет»; старики обязательно доживали свою жизнь с кем-нибудь из детей, чаще всего с младшими. Однако спецификой современных рассказов старообрядцев об их семейном укладе является указание на то, что сегодня многие семейные устои и традиции (из перечисленных выше практически все) остались в прошлом, поэтому прошлое идеализируется, современность воспринимается со знаком «минус».

Из рассказов старообрядцев видно, что раньше браки заключались только между представителями старообрядческой конфессии и считалось большим грехом выходить замуж/жениться на иноверцах. «(Буряты женились на русских? – Соб.). *Нет, раньше грех было. Сямейский на сямейском. Бурят на буряте. <...> Шибко большой грех был*» (зап. от Филипповой П.А., 1929 г. р., в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.).

Тем не менее народные рассказы старообрядцев показывают, что в иноэтническом окружении этот запрет довольно часто нарушался: «*Бурдуковские, Мартыновы, это уж я точно знаю, из бурят. Моя мама предков бурят. Фамилия Бурдуковская. Одно – у ей глаза голубые, а волос черный-черный, бурятский такой. Красивая была. (А не грех было за бурята замуж выходить? – Соб.). Но вот я говорила: лучше выйти замуж за бурята, чем за такого, православного. Потому что буряты не крещёные. Их можно перекрестить. И он уже все, в свою веру перейдет. А у этих (у православных. – Е. Т.), у их свой*» (зап. от Серпионовой Е. Г., 1937 г. р., в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.). Мы уже не раз писали о том, что среди старообрядцев-семейских меньшим грехом считалось выходить замуж за бурята-иноверца, чем за русского-новообрядца, поскольку в сознании прежних старообрядцев закрепилось понимание новообрядцев как отступников от истинной веры, от «неповрежденного» православия. То есть новообрядцы воспринимались прежними старообрядцами как еретики, погрешившие против истинной веры. Буряты-иноверцы же греха отступничества не совершали и поэтому создание семьи с ними считалось делом менее греховным, чем создание семьи с отступниками-новообрядцами.

Заключая браки с бурятами или карымами (потомками от смешанных русско-бурятских браков), семейские, согласно рассказам, дабы не до конца нарушать

многовековые религиозные и семейные устои, старались обратить бурят и карымов в свою древлеправославную веру: «*Мы, Бурдуковские, все с бурят пере-крещенные <...>. (А как так получилось? – Соб.). А не знаю. Давно уж. Бабушка моя рассказывала. У дедушки у моёго прадедка был бурят. Перекрестился. Семейску веру принял, и стали жить*» (зап. от Ивановой М. Ф., 1931 г. р., в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.). «*Дедушка был карым. И украл мою маму у этих, у богомольных-то (у семейских. – Е. Т.). Но и она вышла бегом замуж. Это, вышла. Но оне и давай: так, так, мол, мы тебя проклянем, что ты так сделала. Но и потом пришли оне сюда и в ноги поклонились и говорят: «Перевядите нас в свою веру». И вот в часовню-то водили их, перевяли, он стал семейский, вот*» (зап. от Мартыновой Ф. К., 1924 г. р., в с. Хасурта Хоринского района РБ в 2001 г.).

Согласно народным рассказам семейских семья в старообрядческой общине долгое время являлась оплотом традиционного образа жизни, семейные устои, обычаи и обряды соблюдались и исполнялись очень строго. Поэтому, несмотря на объективные, очень часто положительные изменения в жизни старообрядцев, в их мировосприятии (это касается пожилых людей) явно ощущается ориентированность на традиции прошлого, порицание современного «греховного» образа жизни. Фольклорное сознание старообрядцев-семейских четко определяет традиционный образ семьи как положительный, консолидирующий сельскую общину. И тот факт, что в современной старообрядческой семье нарушаются все каноны, вплоть до тех, которые определяют поведение людей по отношению к животным, вызывает у пожилых рассказчиков резкое осуждение: «*Раньше-то лучше, шшатай, чем таперь. Таперь кошку тут кормять, собаку тут кормять. Да это рази дело!*» (зап. от Хромых Е.К., 1919 г. р., в с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ в 2001 г.).

Таким образом, «народная история» дает представление не только о материальной и духовной жизни народа, но и о его нравственных ориентирах, моральных устоях, о его менталитете. И если исторические события в «народной истории» трансформируются, «выворачиваются» (Б. Н. Путилов), преломляются сквозь призму «фольклорного сознания», то народные оценки происходящего бывают, как правило, объективны и точны. Народное сознание старообрядцев Бурятии по-своему воспринимает исторически значимое событие – появление их предков в Забайкалье, расставляет собственные акценты, преподносит исторические события и факты пропущенными сквозь призму традиционного миропонимания и мироощущения, во многом утрачивая при этом истинное содержание этих событий и фактов. И тем не менее, как отмечает Н. А. Миненко, «в концепционном плане народная оценка прошлого всегда была ближе к действительности, чем официальная» [4, с. 42], и именно понимание народного восприятия и народной оценки прошлого мы находим в «народной истории» старообрядцев Бурятии, 250 лет назад волею судеб оказавшихся на восточном берегу Байкала и воспринимающих сегодня эту землю как свою родину.

Литература

1. Ефимова О. Л. Современное состояние церковнопевческой традиции старообрядцев-семейских // Народная культура Сибири: материалы IX науч.-практ. семинара сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.
2. Кляус В. Л., Супряга С. В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. – Курск, 2006.
3. Коробейников П. Ф. Краткий обзор взаимоотношений государства и Старообрядческой Церкви (историко-правовой аспект) // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы V науч.-практ. конф. (Москва, 20-21 ноября 2000 г.). – М., 2000.
4. Миненко Н. А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. – Новосибирск, 1986.
5. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994.
6. Фольклор семейских / под общей ред. Л. Е. Элиасова. – Улан-Удэ, 1963.

УДК 271:930(571.16)

doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-311-314

© *В. А. Есипова*

Постановления соборов старообрядцев-часовенных в составе крестьянской библиотеки (по материалам ОРКП НБ ТГУ)

В статье проанализированы рукописи из библиотеки старообрядца часовенного согласия Луки Яковлевича Дубовика, хранящиеся в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета. Три из четырех рукописей представляют собой тексты утилитарного характера, необходимые для совершения различных треб. Автор детально рассматривает содержание четвертой рукописи собрания – выписок из постановлений Екатеринбургского (1887), Рамыльского (1897) и Бийского (1902) соборов старообрядцев-часовенных. При сопоставлении с опубликованными текстами постановлений этих соборов выявлены существенные отличия. Автор приходит к выводу, что писца интересовали не дискуссии, а лишь практическое применение текстов.

Ключевые слова: археография, книжная культура, старообрядчество, согласия, часовенные, старообрядческие соборы, старообрядческие библиотеки, рукописная традиция, Томская область.

V. A. Esipova

Old Believers (chasovenniy) assembly resolutions in the collection of the peasant library (based on the materials of Scientific Library of Tomsk State University)

The article analyses the manuscripts from the library of the chasovenniy denomination Old Believer – Dubovik Luka Yakovlevich, that are stored in the funds of the Scientific Library of Tomsk State University. Three from four manuscripts have the form of utilitarian texts necessary for different needs. The author studies in details the forth manuscript – record extracts from Yekaterinburg (1887), Ramyl (1897) and Byisk (1902) assemblies of “Chasovenniy” Old Believers. During manuscript comparison the author reveals the significant differences with printed texts. The author comes to the conclusion that the writer was more concerned with practical use of the texts rather than the content of discussion.

Keywords: archeography, book culture, Old Belief, denominations, chasovenniy, Old Believers assemblies, Old Believers libraries, handwriting tradition, Tomsk region.